

Циклические концепции истории России в современной историографии

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Циклические концепции истории России в современной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 130–158. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.108>

В постсоветской историографии получила распространение концепция о циклическо-маятниковом, или инверсионном, характере развития России. Согласно этой концепции, России свойственно не поступательное, в отличие от Запада, а спазматическое маятниковое развитие: она то движется вперед, то отступает назад, прогресс сменяется реакцией, движение идет по замкнутому кругу. В статье верифицированы четыре варианта концепции и сделаны выводы о ее слабых и сильных сторонах. Отмечены три наиболее существенных недостатка. *Первый* — антиисторизм: сторонники концепции проигнорировали огромные изменения, происходившие в российском социуме, что противоречит принципу историзма. *Второй* — европоцентризм: Запад идеализируется и рассматривается как высшее проявление цивилизованности, как образец для подражания и сравнения, а отклонения от этого образца, реформы, не ведущие к вестернизации, порицаются. *Третий* — априоризм, слабая эмпирическая обоснованность: объяснения в большинстве случаев носят гипотетический, даже гадательный характер. Основными методологическими инструментами служат сравнение, аналогия, удачные примеры, дедукция как избирательное упорядочивание фактов для обоснования определенной гипотезы. Такой инструментарий историки, как правило, считают ненадежным, открывающим возможности для выдвижения множества слабо аргументированных гипотез. Однако рассматриваемая концепция объективно отражает некоторые характерные черты российского исторического процесса: наличие циклов в политическом, социальном и экономическом развитии; пульсирующий характер реформирования; широкое распространение авторитарного стиля управления; низкая общая культура населения; большая роль традиционных институтов, народной политической культуры и специфических когнитивных практик; сильная историческая инерция — зависимость от прошлого пути, обусловленная цивилизационными стереотипами. Однако недостатки и слабости, свойственные российскому социуму, гиперболизируются,

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Dr. Sci. (History), Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта № 20-09-00353 «Жизненный уровень населения России в XX — начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям: междисциплинарное исследование на Больших данных».

This research was supported by grant no. 20-09-00353 from the Russian Science Foundation “The standard of living of the population of Russia in the 20th — early 21st centuries according to traditional and alternative indicators: an interdisciplinary study on Big Data”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

а достижения и сильные стороны минимизируются. Сторонники циклизма разделяют негативное отношение к властям всех уровней, распространенное в российской историографии. Нарушение баланса создает перекокс, вследствие которого представление о ходе российской истории, по мнению автора статьи, получается неадекватным.

Ключевые слова: реформы и контрреформы в России, смуты и революции, А. С. Ахиезер, И. И. Глебова, А. Ю. Дворниченко, В. В. Ильин.

Cyclic Concepts of Russian History in Modern Historiography

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Cyclic Concepts of Russian History in Modern Historiography. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 1, pp. 130–158. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.108> (In Russian)

In post-Soviet historiography, the concept of the cyclic pendulum, or inversion, of Russia's development has become widespread. According to it, Russia, unlike the West, is characterized not by progressive, but by spasmodic pendulum development: progress is replaced by reaction, movement goes in a vicious circle. The article verifies four variants of the concept and makes conclusions about its strengths and weaknesses. Three most significant shortcomings are noted. *The first* is anti-historicism: fundamental changes that took place in the Russian society are ignored, which contradicts the principle of historicism. *The second* is Eurocentrism: the West is idealized and regarded as the highest manifestation of civilization, as a model for imitation and comparison, and deviations from this model, reforms that do not lead to Westernization, are condemned. *The third* is apriorism, weak empirical validity: explanations in most cases are hypothetical, even guesswork. The main methodological strategies are comparison, analogy, good examples, deduction as a selective ordering of facts to substantiate a certain hypothesis. Historians, as a rule, consider such methods to be unreliable, opening up opportunities for many ill-founded hypotheses. The concept objectively reflects the characteristic features of the Russian historical process: the presence of cycles; the pulsating nature of the reform; widespread authoritarian management style; low general culture of the population; the great role of traditional institutions, popular political culture and specific cognitive practices; strong historical inertia — dependence on the past path, due to civilizational stereotypes. However, the shortcomings inherent in the Russian society are exaggerated, and achievements are minimized. The imbalance creates a bias, and the representation of the course of Russian history is inadequate.

Keywords: reforms and counter-reforms in Russia, turmoil and revolutions, A. S. Akhiezer, I. I. Glebova, A. Yu. Dvornichenko, V. V. Ilyin.

В постсоветской историографии получила распространение концепция о циклическо-маятниковом, или инверсионном, алгоритме развития России. Ее выдвинул в 1919 г. американский разведчик и специалист по психологической войне Артур Буллард (1879–1929) в книге «Русский маятник»¹ для объяснения реставрации авторитаризма при большевиках. Известный британский историк Эдвард Карр (1892–1982) академически разработал идею маятниковости и распространил ее на всю тысячелетнюю историю. Согласно концепции, для России, в отличие от Запада, характерно не поступательное, а спазматическое маятниковое развитие: она то движется вперед, то отступает назад, прогресс сменяется реакцией, движение идет

¹ Bullard A. *The Russian Pendulum: Autocracy, Democracy, Bolshevism*. New York, 1919.

по замкнутому кругу². Схема имеет много вариантов; в статье рассматриваются четыре — те, где она выражена наиболее полно. Нам неизвестен сколько-нибудь обстоятельный критический анализ данной концепции, хотя она в нем, безусловно, нуждается. Ответ на вопрос, развивался российский социум или двигался по кругу, имеет принципиальное теоретическое и практическое значение. Цель нашего анализа — верифицировать концепцию, оценить ее релевантность объективным эмпирическим данным.

Известный культуролог А. С. Ахиезер (1929–2007) выделяет два законченных цикла в истории России IX–XX вв.: первый (от начала российской государственности до Октября 1917 г.) продолжался более тысячи лет (862–1917 гг.), второй (от 1917 г. до распада СССР) — 74 года (1917–1991 гг.); третий начался в 1991 г. и пока не завершился. В течение первого цикла, как утверждает Ахиезер, возникла «традиционная цивилизация», которая с XVIII в. под влиянием Запада стала трансформироваться в «либеральную цивилизацию», но общество не сумело вестернизироваться, «застряло» между цивилизациями и попало в «заколдованный круг»³. Столкновение традиции и современности в российском социуме закончилось катастрофической революцией — зачатки либеральной цивилизации были разрушены, а традиционная цивилизация реставрирована. Возникший на развалинах империи Советский Союз вначале напоминал традиционное общество, которое под влиянием модернизации постепенно стало превращаться в либеральное. Эта трансформация тоже закончилась катастрофой — Советский Союз распался на 15 независимых государств. Россия начала новый, третий цикл.

Циклы подобны в содержательном и *структурном* смыслах: у них общая логика изменений, единая последовательность семи этапов, общие типы политической культуры. В качестве критерия разделения цикла на этапы А. С. Ахиезер принимает господствующие на определенном этапе нравственные идеалы — их семь (см. табл. 1, первый столбец). На пятом этапе первого цикла возник новый этический идеал — утилитаризм, оценивающий моральную ценность поступка его полезностью и предписывающий поведение, максимизирующее положительный результат. Сначала утилитаризм укоренялся в верхних стратах общества, затем, на седьмом этапе, проник в повседневную жизнь всего общества. Новая этика стимулировала рост богатства, развитие творческой энергии, но одновременно способствовала возникновению антагонистического общества, основанного на агрессивной и безжалостной эксплуатации человека капиталом. Между традиционной нравственностью и утилитаризмом развернулся конфликт, который в 1917 г. закончился катастрофой и победой традиционного нравственного идеала. Начался новый цикл, который прошел те же семь этапов (только в ускоренном темпе) и в 1991 г. также закончился катастрофой⁴. В рамках отдельных циклов чередуются этапы согласия (соборности) и конфликтности, либерализма и авторитаризма. В 1991 г. маятник качнулся в пятнадцатый раз. Продолжительность этапов различается как в пределах одного цикла, так и в каждом из двух циклов.

² Carr E. H. Socialism in One Country, 1924–1926; in 5 vols. New York, 1958. Vol. 1. P. 3–22.

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 377–394.

⁴ Там же.

Социокультурная динамика России за тысячелетие есть чередование семи этапов двух циклов. В традиционном российском социуме, стабильном и малодинамичном, доминировало циклическое время, и он двигался по кругу, мало изменяясь по существу. По мере модернизации простой циклический алгоритм обогатился линейным прогрессивным движением, развитие стало происходить по спирали. Вследствие этого на новом этапе существовавшие прежде институты сохраняются ограниченно и неполно; в общественной жизни происходят качественные перемены в социальном, технологическом, культурном и нравственном аспектах. Укоренение в массовом сознании утилитаризма обусловило рационализацию поведения отдельных индивидуумов и целых социальных групп, а повышение роли современных средств массовой коммуникации ускорило протекание отдельных этапов и цикла в целом, благодаря чему второй цикл оказался в 14 раз короче первого (74 года против 1055 лет).

Цикличность А. С. Ахиезер объясняет расколотостью российского общества, в котором действуют одновременно две противоположные логики (программы, стратегии). И та и другая представляют собой специфический проект жизнеустройства, воплощаются в социальных институтах, образцах и традициях, дают представление о должном поведении, отношении к природе, обществу, другим людям, народам и странам, государству, власти, прошлому и будущему, вплоть до мироздания в целом. Обе логики прочно укоренены на русской почве. Первая основана на традиционной российской нравственности, сложившейся до XVIII в., вторая возникла позднее под влиянием вестернизации; каждая стремится стать доминирующей. Раскол возник вместе с государственностью и принятием христианства. За многие века он глобализировался, превратился в отличительную черту, в элемент самобытности общества, став постепенно «хронической болезнью», затрудняющей прогрессивное развитие.

После революции 1991–1993 гг., по А. С. Ахиезеру, начался новый цикл российской истории, который принесет новые перемены в общественную жизнь. Возможно, что и в третьем цикле российский социум не станет «либеральной цивилизацией». Однако это будет следующий шаг к ее формированию. Сама реверсивность представляется Ахиезеру объективным процессом. Она обуславливается тем, что имевшиеся в социуме альтернативы на определенном этапе не смогли реализоваться, поэтому общество вынуждено вновь обращаться к сложившимся в историческом опыте образцам, оправдавшим себя. Подобный тип динамики содержит в себе разрушительный потенциал дезорганизации и создает опасность отказа от значительной части накопленного опыта. Таким образом, для исторического развития Россия характерны оба типа динамики — циклический и линейный, при доминировании первого⁵.

Второй вариант циклическо-маятниковой концепции предложил социальный философ В. В. Ильин⁶. По его мнению, проводимые властями преобразования

⁵ Подробное рассмотрение концепции А. С. Ахиезера см.: *Матвеева С. Я.* Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. С. 3–41.

⁶ *Ильин В. В.* Панорама отечественных реформ // Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 13–172. — При построении своей концепции В. В. Ильин в определенной степени опирался на работы А. А. Ахиезера.

в России имели маятниковый характер — реформы неизменно венчались контрреформами. Он находит такие пары реформ-контрреформ начиная с IX в. На рубеже IX и X вв. в результате «капитального естественного реформационного процесса» и принятия христианства возникло Древнерусское государство. К середине XI в. оно достигло расцвета, но со временем распалось на самостоятельные удельные княжества со своими столицами, князьями и армиями. Новый удельный порядок стал следствием реформы порядка наследования княжеского престола. Ранее княжеские владения передавались по старшинству (от старшего брата к младшему), находились во *временном* пользовании и распоряжении князей, которые, по сути, владели землями коллективно. Порядок наследования по прямой, нисходящей от отца к сыну, утвердившийся в XIII в., привел к образованию вотчин (уделов), наследственных земель⁷. С XIV по XVI столетие в ходе постепенного реформирования происходило объединение русских земель под эгидой Москвы в единое национальное централизованное государство. Реформы ликвидировали удельные институты, сформировали «неограниченное тираничное, деспотическое самодержавие», самодержавное самосознание народа, национальные традиции и культурно-исторические святыни⁸. В. В. Ильин пропускает XVII в., где без труда можно было бы найти новую серию реформ и контрреформ, и сосредотачивается на имперском периоде. Петровские реформы завершились контрреформами его преемников в 1725–1762 гг.; реформы Александра I — контрреформами Николая I; а либеральные реформы Александра II — контрреформами Александра III⁹.

Маятниковый характер реформирования сохранился в советское и постсоветское время — «беспорядочные метания» от капитализма к социализму, от вероисповедности к атеизму, от товарно-денежного к натуральному хозяйству и наоборот. В 1917 г. буржуазная демократия, возникшая в результате реформ Временного правительства, была упразднена большевистскими контрреформами 1917–1921 гг., установившими в стране диктатуру пролетариата и военный коммунизм. Реформы в период НЭПа, 1921–1928 гг., увенчались контрреформами 1928–1937 гг. — коллективизацией и индустриализацией, означавшими всеобщее «осоциалистичивание». За хрущевскими реформами 1954–1964 гг. последовали контрреформы и период застоя (1965–1984 гг.). Застой сменился перестройкой и гайдаровскими реформами (1985–1993 гг.). Оценивая итоги преобразований страны в советский период, в перестроечное десятилетие и ельцинское трехлетие, В. В. Ильин считает, что «итог отечественных модернизационных рывков скорее негативен»¹⁰.

Третий вариант циклическо-маятниковой концепции выдвинула политолог И. И. Глебова. Русский социум выработал возвратно-поступательный цикл дви-

⁷ Ильин В. В. Панорама отечественных реформ. С. 13–18.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же. С. 30–57.

¹⁰ Там же. С. 167. См. также: Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 333–398; Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2. С. 74–89; Филатов В. П. Особенности либерализации и модернизации России во второй половине XIX — начале XX в. в контексте европейского развития // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 57–76. — «Стремление увидеть цикличность нашей истории в смене реформ и контрреформ одно время ограничило в нашей историографии с некоей модой», — справедливо заметил А. Ю. Дворниченко.

жения, состоящий из трех последовательных фаз: «покой (застой) — вялотекущие естественные изменения; революция — внезапный прорыв в будущее, ведущий к радикальному обновлению»; откат — стабилизация и «нормализация жизни». Третья фаза каждого цикла своей радикальностью готовит наступление следующего цикла. В тот момент, когда новое буквально проникает в поры социального организма, происходит бунт традиционного, в котором уничтожается все новое, что обещало развитие и модернизацию социума. На этой третьей фазе происходит «опрошение», элементаризация общества. Восстанавливается социальный организм, ориентирующийся на традиционные схемы простого воспроизводства культуры и «архаизацию социальных практик»¹¹.

Историческое движение России и Запада происходит по-разному. В российском социуме (вследствие низкого уровня общей культуры) бессознательные, или стихийные, механизмы преемственности всегда играли значительную роль — институты транслировались преимущественно «рефлекторно, на социобиологическом уровне»¹². «Преемственность осознанная, предполагающая постоянные рефлексии, самопознание, не органична русской системе, поэтому здесь часто происходят нарушения и разрывы институционально-процессуальных, нормативных, юридических форм, связанных с усвоением и развитием цивилизационных ценностей, усложнением и “взрослением” социума. В недрах нового социального образования сохраняется и продолжает действовать социогенетическая программа, обеспечивающая непрерывность и определяющая логику социокультурной трансляции и “трансмутации”»¹³. «Двигатель русских перемен — вечное недовольство, неудовлетворенность собственным настоящим, утопическое прожектерство, призраки светлого будущего. Глубоко скрытое, неочевидное, что заставляет крушить старую жизнь и задает особый алгоритм преобразованиям — страх перемен; перед их неизбежностью, необходимостью»¹⁴. «Чрезвычайно ограничены возможности осмысленной преемственности, поколенческой трансляции отрефлектированного опыта»¹⁵. «Поэтому русские преобразования включают в себя — в качестве одного из планов происходящего — “бунт традиционного” против необходимости меняться, против происходящих изменений»¹⁶. Европейская культура выработала иной алгоритм движения — «одна общественно-политическая, социокультурная форма исторически вырастает из другой. Естественное и неизбежное отрицание “старого” во имя “нового” (“молодого”) не означает полного уничтожения прежнего — разрыва всех нитей, промежуточных звеньев, связывающих сменяющие друг друга социокультурные формы»¹⁷.

Четвертый вариант циклическо-маятниковой концепции принадлежит известному петербургскому историку А. Ю. Дворниченко. Он полагает, что с начала XVII в. и до настоящего времени в России регулярно происходят *смуты* — так автор называет народные движения, в результате которых общество погружает-

¹¹ Глебова И. И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. М., 2006. С. 148, 267.

¹² Там же. С. 268.

¹³ Там же. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 265.

¹⁵ Там же. С. 274.

¹⁶ Там же. С. 266.

¹⁷ Там же. С. 264.

ся в состояние всеобщего хаоса: все всем недовольны, нет положительной идеи, которая бы могла объединить общество. «Существовавший строй разрушается, но на его месте возникает не новый социальный строй в строгом смысле слова (как происходит во время настоящей революции. — Б. М.), а хаотическая и эклектическая попытка организации продуктов разрушения в некое подобие целостного общества»¹⁸. Смута — явление чисто русское. Настоящих смут произошло три: первая произошла в конце XVI — начале XVII в., вторая — это революция 1917 г., а третья — это «перестройка, постмодернистская смута» (с. 684) 1985–1991 гг. Но случались и «предсмутные ситуации», которые не превращались в смуты, — разинщина, пугачевщина, дворцовые перевороты, кризис междуцарствия 1825 г. и Первая русская революция 1905–1907 гг. То, что в историографии именуется русскими революциями, на самом деле было смутами. С начала XVII в. смута становится «движущей силой» и «ключевым фактором» российской истории. В отсутствие революций автор усматривает принципиальное отличие России от Запада, где благодаря революциям общественный строй изменяется и происходит поступательное развитие.

Причины, ход и события первой Смуты А. Ю. Дворниченко рассматривает в качестве модели, или матрицы, приложимой к другим смутам. Именно она «знаменовала, с одной стороны, рождение уникального российского государственно-крепостнического строя и окончательное формирование российской самодержавной государственности, а с другой — отсчет российского “Нового времени”, начавшегося именно с нее, а не с правления Петра I» (с. 677). Смута начинается в самых верхах, с кризиса верховной власти, а потом спускается вниз, в средние слои и народные массы. «Смута никогда не может начаться снизу, и нежелание низов “жить по-старому” не является определяющим. Без явного кризиса власти никакая смута в России не происходит, и, таким образом, именно “верхи” не желают и не могут жить по-старому. Когда власть тупеет и заходит в тупик, жди смуты! Другое дело, что постоянное недовольство масс может как-то негативно влиять на состояние власти. Но ни обострение нужды и бедствий тех же масс больше обычного, ни повышение политической их активности, ни внешние катаклизмы (войны, санкции и т. д.) главной роли в приближении российской смуты не играют» (с. 696).

Каждая смута разрушала государственно-крепостнический строй, истощала экономику, обостряла социальные отношения. Однако затем в результате реформ, называемых автором «революциями сверху», государственно-крепостнический строй не только возродился, но получил дальнейшее развитие, заключавшееся в постепенном изживании земской традиции и, соответственно, тех пережитков демократии, которые еще сохранялись в социуме. В результате государственно-крепостнический строй укреплялся, население утрачивало рычаги воздействия на государство, власти еще больше отрывались от народа, росла коррупция. Этот нежизнеспособный «строй был... обречен на периодические смуты» (с. 682), потому что именно «смута давала толчок развитию. Этого толчка хватало на некоторое время, а потом страна снова двигалась к следующей смуте. Такова “цикличность” нашей истории»¹⁹. А. Ю. Дворниченко полагает, что выдвинутая им теория смут

¹⁸ Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 3. С. 695. — Далее в тексте страницы указаны в скобках.

¹⁹ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. М., 2018. С. 270.

является «важнейшим орудием в постижении российской истории. С ее помощью можно гораздо лучше понять характер практически всех заметных катаклизмов, которые сотрясали нашу страну на протяжении ее истории. Можно в значительной степени даже предвидеть будущее»²⁰.

Точка зрения А. Ю. Дворниченко выражает, вероятно, самый последовательный циклизм в историографии: все идет по кругу; принципиальных изменений нет, а происходящие перемены только укрепляют существующий строй и поддерживают маятниковый характер исторического процесса. Альфа и омега российского социально-политического устройства — государственно-крепостнический строй — «всегда остается собой — при царизме, сталинизме с брежневизмом или путинизме»²¹. «Мы не должны преувеличивать различия между имперским и московским периодами государственно-крепостнического строя, так как их суть оставалась все той же» (с. 247). Постсоветская Россия представляется А. Ю. Дворниченко «некой эманацией дореволюционной и советской России одновременно» (с. 247–248). «Система столь разветвленная и мощная, что может дать фору имперской России. Она принципиально отличается от рыночно-демократических — в ней затруднительно провести границу между государством и обществом, существуют острые межсословные противоречия, сословный строй плохо сочетается с рынком; социальные связи вернулись к классическому советскому варианту — “блату”» (с. 263). Деградация наблюдается во всех сферах. Экономика «находится в процессе кризисного сокращения, архаизации, постепенной потери международной конкурентоспособности даже в тех областях, в которых она пока создает конкурентный продукт. <...> Нормального рынка в ней нет, а есть только административный рынок» (с. 265)²². «Россия после падения СССР стала региональной державой, пошел процесс провинциализации: “переезд” из СССР в современную Россию напоминает перемещение из города в деревню» (с. 260).

Естественно, А. Ю. Дворниченко весьма пессимистично настроен и относительно будущего России. «Такой, как передовые западные страны, Россия не будет никогда. Здесь никогда не было революций и, видимо, уже не будет. Можно сказать: русский народ не способен на революцию, а способен только на изрядно потасканный уже бунт — не всегда бессмысленный, но всегда беспощадный. <...>. Так уж легла “историческая карта”! Волею судеб Россия оказалась именно в числе тех стран, где революции невозможны» (с. 269). «“Догнать и перегнать” передовые государства Россия все равно никогда не сможет. <...> Собственно, сама модель “страны догоняющего развития” неверна. Россия никогда никого не догоняла — она просто выживала. Государственно-крепостническая система предусматривает возможность выживания страны как социума, социального организма (индивидуальные жертвы, которые могут исчисляться миллионами, не принимаются к рассмотрению). Но, к сожалению, с таким развитием, которое характерно для демократических стран, государственно-крепостнический строй не совместим» (с. 246). «“Русская Система” всегда чревата смутой» (с. 260). «А что же все-таки делать?! —

²⁰ Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории. С. 698.

²¹ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. С. 271. — Далее в тексте страницы указаны в скобках.

²² Автор ссылается на крупных экспертов — известного финансиста А. А. Мовчана и известного российского ученого С. Г. Кордонского, служившего начальником Экспертного управления Президента РФ в 2000–2004 гг. и старшим референтом Президента в 2004–2005 гг.

спрашивает ученый. — Придумать я ничего не могу. Один рецепт есть: всеми силами оттягивать смуту» (с. 269).

На вопрос «Кто виноват?» А. Ю. Дворниченко дает следующий ответ: «Виновато, как всегда, наше злокозненное российское государство, а если шире, то государственно-крепостнический строй». Его родовые, «имманентно», «онтологически» присущие ему признаки: 1) «сила и централизация государственной власти, которая, в отличие от Запада, никогда не носит чисто институционального характера, она персонифицируется, гиперболизируется, утрируется и т. п.»; 2) «наличие между центральной властью и народом зловещего “средостения” — российской всевластной и неконтролируемой бюрократии»; 3) «всеобщая закрепощенность и бесправие народа, притом что государству зачастую не так важно, к чему его “прикреплять”: к земле, к службе, к посадке, к месту жительства, к рабочему месту или чему-то еще» (с. 212–215).

Перечисленные точки зрения о циклическом характере российского исторического процесса наряду со сходством имеют существенные различия.

Формулы русских циклов (исторической динамики) у авторов различные. У А. С. Ахиезера: от традиционной к либеральной цивилизации по заколдованному кругу. У И. И. Глебовой: покой (застой) — революция — откат — реставрация. У В. В. Ильина: реформы — контрреформы — реставрация. У А. Ю. Дворниченко: от смуты к смуте по замкнутому кругу.

В. В. Ильин, И. И. Глебова и А. Ю. Дворниченко подчеркивают маятниковый алгоритм, говорят о движении по замкнутому кругу и, по сути, отрицают какой-либо прогресс в развитии России и даже саму его возможность. А. С. Ахиезер усматривает в российском историческом процессе наряду с преемственностью прогресс: социум развивался, и в каждой точке истории существовали альтернативы. Иначе говоря, Ахиезера можно считать историческим оптимистом, остальные — очевидные пессимисты.

Авторы по-разному определяют причины цикличности. По А. С. Ахиезеру, инверсионные циклы порождаются *расколотостью* российского общества, в силу чего оно просто не может изменяться иначе, чем осуществляя маятниковые колебания между полярностями.

С точки зрения В. В. Ильина, возвратные циклы обусловлены двумя главными обстоятельствами: неправовым характером российской государственности, непоследовательностью и произволом власти, не считающейся ни с общественным мнением, ни с объективными обстоятельствами; тем, что позитивные изменения в обществе не накапливаются — реформы блокируются, отменяются контрреформами, в итоге из великого получается ничтожное.

И. И. Глебова полагает, что российский социум не выработал механизма саморегулирования и саморазвития, настраивающего людей на поиск новых форм общественной жизни, которые бы сочетались с традиционными фундаментальными принципами и в то же время учитывали новые потребности времени. В нем механизмы преемственности — стихийные и доминируют «социобиологические рефлексы защиты от мира», а не сознательное стремление к развитию и совершенствованию²³.

²³ См.: Глебова И. И. Ранний постсоветизм в политико-историческом контексте. С. 268, 272, 275.

По мысли А. Ю. Дворниченко, причиной цикличности русской истории является «государственно-крепостнический строй, настолько тяжеловесный, неповоротливый и отягощенный многими проблемами», что в принципе парализует возможность успешной модернизации. В результате «Россия модернизируется, модернизируется и домодернизируется до очередной смуты»²⁴.

Все авторы считают, что Россия по сравнению с западными странами — отсталая, авторитарная, малокультурная, примитивная, ригидная, а потому не способна к прогрессивному развитию. Правда, А. С. Ахиезер допускает наличие в какой-то отдаленной перспективе возможности радикального изменения кода российской цивилизации, что позволит ей превратиться в либеральную демократию, которую автор считает культурной вершиной. Все, хотя и в разной степени, отмечают сильное влияние архаичных (традиционных) институтов и структур на эволюцию российского социума — имеются в виду преимущественно нормы поведения, когнитивные способности и политическая культура. Традиции были чрезвычайно живучи, инновации их не убивали, а лишь загоняли в подполье, откуда они при первой возможности возвращались и становились актуальными. Социум постоянно балансировал между традицией и современностью, что составляло своеобразие как имперского, так и советского периодов.

Не все представляется убедительным в построениях циклистов. Самое слабое звено их аргументации — недостаток надежных эмпирически данных, не дающий возможности предположениям превратиться в научно обоснованные выводы. Например, В. В. Ильин так формулирует причины маятниковости: сращивание власти с собственностью, политохорологическая (геополитическая) хаотичность, неправовой строй, атрофия гражданского общества, идеократичность (ориентация на ценности), дистанционность (экстенсивность контроля над пространством, а не над временем), мессианизм, ретардация (постоянное возвращение к одним и тем же проблемам), затратность управления, предубежденность народа по отношению к реформам²⁵. Поскольку адекватного эмпирического обоснования недостаточно или оно вообще невозможно, формулировка причин основывается на догадках, большом числе натяжек, предположений и подборе удобных исторических примеров. Еще меньше поддаются строгой эмпирической проверке причинно-следственные связи. Во многих случаях даже ключевые понятия не определены эмпирически и операционно. Например, категория «социального генетического кода», применяемая И. И. Глебовой, является абстракцией высокого уровня. Для ее использования в исследовании требуется огромный эмпирический материал, мобилизация которого весьма затруднена как из-за масштаба задачи, так и вследствие недостатка данных. А. Ю. Дворниченко признает, что «все актуальные понятия (“смута”, “революция сверху”, “предсмутная ситуация” и др.) нуждаются в дальнейшем тщательном изучении»²⁶.

Вследствие отсутствия надежных, то есть эмпирически и операционно фиксируемых, аргументов выводы делаются не из факта, а из предположения, объяснения в большинстве случаев носят гипотетический, а иногда и гадательный ха-

²⁴ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. С. 270.

²⁵ Ильин В. В. Сквозные линии // Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. С. 173–204.

²⁶ Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории. С. 677–678.

рактик. Как совершенно справедливо считает петербургский социолог В. И. Ильин, в философии истории, культурологии или социальной философии подобная методология — сравнение, аналогии, дедукция как избирательное упорядочивание фактов с целью обоснования уже существующей концепции — допускается и потому широко практикуется. Однако «при переходе в предметное поле наук, тяготеющих к строгому эмпирическому обоснованию (каковыми являются история и социология. — Б. М.), данный инструментарий не обеспечивает достаточной убедительности, открывая возможности для сосуществования не менее аргументированных противоположных концепций. Такая система доказательств не убеждает оппонентов, и в результате одни верят в одно, другие — в другое»²⁷.

В табл. 1 представлена схема циклов, составленная А. С. Ахиезером.

Таблица 1. Циклы российской истории

Господствующие нравственные идеалы этапов	Этапы первого цикла (с древних времен до 1917 г.)	Этапы второго (советского) цикла (1917–1991 гг.)
I этап. Ранний соборный идеал	Древняя Русь и удельная Русь, IX — середина XIII в.	С 1917 до середины 1918 года
II этап. Ранний умеренный авторитарный идеал	От Ивана I Калиты до Великой смуты, 1325–1598 гг.	Военный коммунизм, 1918–1921 гг.
III этап. Ранний идеал всеобщего согласия	От Великой смуты до царствования Алексея Михайловича, 1598–1645 гг.	НЭП, 1921–1928 гг.
IV этап. Крайний авторитаризм	От царствования Алексея Михайловича до Анны Иоанновны включительно, 1645–1740 гг.	Правление И. Сталина, 1929–1953 гг.
V этап. Поздний идеал всеобщего согласия	От 1762 года (Указ о вольности дворянства) до 1825 года (восстание декабристов)	Правление Н. С. Хрущева (оттепель), 1953–1964 гг.
VI этап. Поздний умеренный авторитарный идеал	Царствование Николая I	Правление Л. И. Брежнева (застой), 1964–1982 гг.
VII этап. Поздний соборный идеал, приобретший форму соборно-либерального	Реформы (с 60-х гг. XIX в. по 1917 год)	Перестройка, 1985–1991 гг.

Источник: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). С. 394.

Согласно схеме, население Руси IX — середины XIII в. и России от 1917 до середины 1918 г. руководствуется общим соборным нравственным идеалом. Соборность — духовная общность, единение людей в мирской и религиозной жизни — считается одним из основных признаков Православной церкви, закрепляющим

²⁷ Ильин В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Т. 26, № 4. С. 32.

ее всеобщий, универсальный характер. Но, несмотря на принятие христианства в 988–989 гг., население Руси в IX — середине XIII в. оставалось еще преимущественно языческим, а в России в 1917–1918 гг. проходила острейшая классовая борьба за власть, в которую было вовлечено большинство населения. В эти периоды народу было явно не до соборного идеала. Россия периода военного коммунизма, 1918–1921 гг., когда господствовали террор и военная диктатура, находится на 2-м этапе цикла, в котором, согласно схеме, господствовал ранний умеренный авторитарный идеал. Московская Русь от Ивана Калиты до Великой смуты (1325–1598 гг.) и СССР во время НЭПа (1921–1928 гг.) находятся на 3-м этапе цикла, в котором, в соответствии со схемой, доминировал ранний идеал всеобщего согласия. Аналогии и сравнения выглядят произвольными и надуманными, схема — оторванной от реальной жизни.

Вызывает вопросы концепция русской смуты А. Ю. Дворниченко. «Если, — как полагает автор, — под революцией понимать кардинальный сдвиг в стране и обществе, приведший к возникновению новых форм общественных отношений»²⁸, то в России в 1905–1922 и 1989–1993 гг. произошли именно революции, потому что изменились государственное устройство, экономический строй, социальная структура населения, идеология, право и политическая элита. Если в ходе государственного переворота политический строй трансформируется в высших эшелонах власти достаточно быстро, то в низших это происходит медленно. И новые формы общественных отношений появляются постепенно, в одних случаях предшествуя и подготавливая политическую революцию, в других — являясь ее последствиями. В 1905–1907 гг. было ликвидировано самодержавие и установился новый политический строй — дуалистическая монархия (вариант конституционной монархии): в законодательной сфере власть императора была ограничена основными законами и Государственной думой (вместе с Государственным советом), граждане получили политические права (свободу совести, слова, собраний, политических партий и др.). Политическому перевороту предшествовала коренная трансформация в экономических и общественных отношениях, а за ним последовали изменения в государственной идеологии и общественных идеалах, в социальных институтах и мотивации поведения граждан, а также и в составе политической элиты. В феврале 1917 г. была свергнута конституционная монархия. Хотя новый политический строй в форме парламентской демократии не успел сформироваться и укрепиться, всего за восемь месяцев государственная идеология, общественные идеалы, политические и социальные институты, состав политической элиты изменились существенно. В октябре 1917 г. в результате государственного переворота утвердился новый политический строй — советская власть — и произошел радикальный сдвиг в общественных отношениях, в государственной идеологии, общественных идеалах, социальных институтах и мотивации поведения граждан; сформировалась новая политическая элита. Аналогичным образом в 1989–1993 гг. изменились государственное устройство, экономический строй, идеология, право и политическая элита, то есть по канонам государственного права произошла настоящая революция²⁹. То, что каждая российская революция не разрушает до основания старый

²⁸ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. С. 269.

²⁹ В современной историографии соотношение «смуты» и «революции» является дискуссионной проблемой: Марченя П. П. К вопросу о соотношении концептов смуты и революции в совре-

мир, как пелось в «Интернационале», а новый мир строит в чем-то на него похожим, — не русское цивилизационное своеобразие, а нормальный процесс, происходящий во время революций всегда и везде. Можно сказать, это закон общественного развития³⁰.

Сама по себе цикличность в природе и общественном развитии общепризнана и считается нормой. Однако вызывает сомнение представление о маятниковом, инверсионном характере российского исторического процесса, потому что оно противоречит историзму — всеобщему принципу общественного развития «все течет, все изменяется». Рыбы вышли из воды и стали земноводными. Наземные животные научились летать и превратились в птиц. Обезьяны эволюционировали в *Homo Sapiens*, некоторые виды из рода *Homo* научились изменять себя и мир. А россияне 1055 лет (к 2022 г.) бегают по замкнутому кругу? Это должно представляться историком глобальным противоречием, фундаментальным антиисторизмом. Маятниковость эмпирически не подтверждается, что наглядно демонстрирует верификация концепции «реформы — контрреформы». По мнению ее сторонников³¹, в России кратковременные либеральные оттепели всегда сменяются длительными консервативными заморозками, что за проведением реформ всегда следуют контрреформы, фактически упраздняющие результаты реформ, когда из *великого получается ничтожное*. На самом деле, как правило, контрреформы не отменяли проведенные реформы, а либо их корректировали, либо снижали темпы изменений, либо откладывали на определенный срок их полную реализацию. В так называемые консервативные царствования, следовавшие после радикальных Петровских или Великих реформ, произошедшие изменения переваривались, усваивались, происходила скрытая подготовка к следующему циклу социальных изменений. Это была необходимая пауза покоя перед новым движением.

Возьмем для примера контрреформы 1880 — начала 1890-х гг., обычно рассматриваемые исключительно как стремление верховной власти отменить либеральный курс и минимизировать влияние Великих реформ. Между тем в контрреформах преобладал другой аспект — более органичное и рациональное по своей сути приспособление новых учреждений и институтов, созданных реформами, к традиционным институтам, к потребностям всего общества, а не только его малочисленной образованной части. Политические требования общественности, бесспорно, обгоняли готовность и стремление народа к демократии. По большому счету преобразования опережали уровень социально-политического развития России. Реформы, за исключением аграрной и военной, в полной мере оказались не востребованными крестьянством, а некоторые просто отвергались, например одна из самых

менном отечественном социогуманитарном знании // *Философские исследования и современность*. Вып. 10. М., 2021. С. 87–94.

³⁰ *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 года в контексте теории революции // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 72–84; № 3. С. 106–115.

³¹ *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России; *Наумова Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 333–398; *Розов Н. С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // *Полис*. 2006. № 2. С. 74–89; *Филатов В. П.* Особенности либерализации и модернизации России во второй половине XIX — начале XX в. в контексте европейского развития // *Историко-экономические исследования*. 2006. Т. 7, № 2. С. 57–76.

прогрессивных, как считается, — земская. Торможение реформаторского процесса в либеральном направлении, наступившее 1880–1890-х гг., обуславливалось объективной опасностью потерять контроль со стороны правительства над ситуацией в стране. Так, городская (1892 г.) и земская (1890 г.) контрреформы были вызваны желанием смягчить противоречия, существовавшие, во-первых, между коронной администрацией и общественным самоуправлением, во-вторых, между различными группировками внутри самих органов самоуправления, в-третьих, между органами общественного самоуправления и населением. Эти противоречия мешали правильному функционированию всех органов власти. Судебная контрреформа 1884–1891 гг. не свелась к отмене судебных уставов ради усиления прерогатив коронной администрации. Она сузила состав присяжных заседателей (посредством введения цензов) и прерогативы суда присяжных (изъяв из его ведения часть дел), потому что в числе присяжных по реформе 1864 г. оказалось много крестьян и представителей национальных меньшинств, не способных надлежащим образом выполнять свои обязанности вследствие малограмотности, сильной зависимости от мнения аудитории, адвокатов и приверженности нормам обычного права, вступавшего в противоречие с правом официальным. Отмена мирового суда была вызвана отсутствием кадров, бедностью и пассивностью сельского населения. В тех случаях, когда общественность сильно возражала, правительство отказывалось от первоначальных намерений, например от передачи местного управления в руки помещиков, от превращения начальной школы из светской в духовную (приверженцами которой зарекомендовали себя крестьяне), от запрета публичности и гласности суда и др. Контрреформы внесли в государственный строй поправки, усиливавшие в управлении обществом роль коронной администрации, но не столько за счет ослабления роли органов общественного самоуправления, сколько за счет усиления контроля, направленного главным образом на точное исполнение ими закона. Введенные Великими реформами учреждения и законы не ликвидировались, а трансформировались и корректировались³².

Таким образом, проведенные в либеральные периоды структурные реформы являлись, как правило, необратимыми. То, что прогресс шел с зигзагами и задержками, а иногда и с отступлениями, — это нормально для любой европейской страны, где за революциями всегда следовала контрреволюция, не приводившая, однако, к полной реставрации дореволюционных порядков. Чередование либерального и консервативного правительственных курсов, корректировка реформ предшественников, находившихся у власти, также являлось нормой. Например, в Великобритании в течение двух столетий, XVIII–XIX вв., к власти попеременно приходили то консервативные тори, то либеральные виги и велось постоянное противостояние между ними. Аналогичная борьба между партиями консервативного и либерального толка, проводившими реформы и контрреформы, велась в США во второй половине XIX — XX в.³³ Однако никому не приходит в голову говорить о рецидивирующей модернизации применительно к данным странам.

На протяжении веков российские власти действительно интенсивно использовали директивный, или авторитарный, стиль. *Авторитаризм можно считать*

³² Митронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб., 2018. С. 269, 717.

³³ Согрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 182–207; Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 41–77.

национальной колеей в развитии российской государственности. Но только на этом основании нельзя отождествлять государственный строй разных эпох с абсолютизмом³⁴, поскольку, кроме стиля управления, необходимо принимать во внимание систему политико-правовых, административных, экономических и социальных отношений, устанавливаемую основными законами, а также структуру органов управления (внутреннее строение, иерархия, соподчиненность и взаимосвязь отдельных ее элементов), обусловленную социально-экономическим развитием общества и соотношением политических сил в стране³⁵. Длительное использование директивного стиля управления сочеталось с глубокой трансформацией политического строя, потому что авторитаризм авторитаризму рознь: он может быть фундаментальным (как восточный деспотизм), жестким (как сталинизм), просвещенным (как при Екатерине Великой), а также демократическим, основанным на сильной централизованной власти одного лица (президента, монарха, премьер-министра) или группы лиц, например определенной партии, при сохранении личных экономических, гражданских и духовных свобод для граждан, а иногда и политических свобод. В период империи российская государственность достаточно успешно эволюционировала от самодержавия к правовому строю.

Следует учитывать также, что характерная черта российской государственности со времен Древней Руси и до конца советского периода состояла в сочетании авторитаризма с демократизмом, или земской традицией. Наличие подобной особенности до XVIII в. признает, например, А. Ю. Дворниченко. Но относительно имперской эпохи в историографии преобладает точка зрения о ее изживании, вследствие чего местное управление в городе и деревне превратилось, по сути, в звено коронного управления. На самом деле и в империи все сословия обладали правом самоуправления — одни в большей, другие в меньшей степени. Чем дальше от центральных и провинциальных коронных властей проживали люди, тем, по общему правилу, большим самоуправлением они пользовались. Сословные корпорации и органы самоуправления играли главенствующую роль в местном управлении; они имели полномочия и широкую компетенцию, самостоятельно решали многие хозяйственные, юридические, административные вопросы на уровне поселений и волостей, а после Великих реформ — и губерний. У государства не было достаточно сильного бюрократического аппарата не только для того, чтобы взять непосредственно в свои руки управление повседневной жизнью людей, но и для того, чтобы эффективно контролировать деятельность органов самоуправления. Поэтому верховная власть стремилась, во-первых, включить сословное самоуправление в систему государственного управления и, во-вторых, поставить самоуправление в рамки закона. И то и другое ей более или менее удавалось, благодаря чему в имперский период, как и в более раннее время, в России существовало расщепление (разделение) властных и управленческих функций между верховной властью и ее местной администрацией, с одной стороны, и городскими и сельскими общинами, городскими и дворянскими корпорациями — с другой³⁶.

³⁴ Например, А. Ю. Дворниченко считает, что в феврале 1917 г. «на смену самодержавию пришло Временное правительство». См.: Дворниченко А. Ю.: 1) Смута как фактор российской истории. С. 683; 2) Прощание с революцией. С. 169–170.

³⁵ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2009.

³⁶ Об общинной демократии см.: Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 2. С. 133–344.

Нельзя также согласиться с тем, что авторитаризм есть абсолютное зло и что именно в нем состояла причина отсталости и цикличности развития социума. В российской общественной мысли сложилась традиция по умолчанию высоко оценивать все проявления демократизма и осуждать всякие проявления авторитаризма в политике, экономике и социальной жизни. Для многих исследователей слово «авторитаризм» имеет исключительно негативные коннотации. С ним ассоциируются подавление свободы и инициативы, общая и экономическая отсталость, коррупция и низкая эффективность труда. Априори считается, что свободный крестьянин или рабочий всегда и везде трудился эффективнее и был более удовлетворен жизнью и своим положением, чем крепостной или раб; что демократический стиль управления является всегда более эффективным, нежели авторитарный. Однако эксперты в области управления, экономисты и политологи полагают, что в экономической и политической жизни эффективность трех различных типов управления — авторитарного, или директивного; демократического, или коллегиального; и либерального, дающего гражданам и работникам полную свободу, а событиям — возможность идти своим чередом, — зависят от времени, места и обстоятельств³⁷. При оценке директивного стиля необходимо учитывать как его экономическую эффективность, так и отношение к нему населения.

В России при крепостном праве в барщинных поместьях наблюдались более высокие производительность труда и урожайность, они приносили помещику, по некоторым оценкам, вдвое больше дохода, чем оброчные поместья, а по уровню жизни крестьяне в них не различались³⁸. Между тем в барщинных имениях крепостной режим был намного суровее и наказания крестьян случались намного чаще, чем в оброчных. То же наблюдалось в США в период рабства, продолжавшегося 246 лет (1619–1865 гг.). В 1970-х гг. американские историки доказали, что с экономической точки зрения рабство было не убыточным и застойным, как считалось прежде, а эффективным способом производства и обеспечивало высокий (по нормам середины XIX в.) доход на душу населения на Юге, который быстро рос в течение двух десятилетий, предшествовавших Гражданской войне³⁹. В раннесоветский и сталинский периоды директивное управление экономикой являлось достаточно эффективным, обеспечивало высокие темпы роста и (что важно) большинство населения предпочитало именно этот стиль в патерналистском варианте. В позднесоветский период в общественном мнении и науке стали расти симпатии к демократическому стилю в политике и к свободному рынку и частной собственности в экономике. В момент проведения гайдаровских реформ (февраль 1992 г.), согласно всероссийскому социологическому опросу, государственное планирование и распределение, то есть директивное управление, поддержало лишь 29 % респондентов. Правительственная политика стала либеральной. Однако трудности пере-

³⁷ Панарин А. Т. Политология. М., 1998. С. 200–223.

³⁸ Леонард К. Занятия помещичьих крестьян на севере Центрально-промышленного района России накануне реформы (на примере Ярославской губернии) // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века: материалы советско-американских симпозиумов. М., 1991. С. 233–249; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972. С. 411–412; Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 2. С. 62–79.

³⁹ Фогель Р., Энгерман С. Хозяйственная эффективность рабства: сравнение северного и южного сельского хозяйства в США в 1860 г. // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2. С. 100–106.

хода к рыночной экономике начали постепенно изменять общественные настроения, мнение научного сообщества и саму правительственную политику в пользу директивного управления вследствие его большей эффективности в новых условиях. Особенно это отразилось на экономике. Согласно подсчетам Федеральной антимонопольной службы, с 2005 по 2014 г. доля госсектора в экономике страны выросла в два раза — с 35 до 70 % валового внутреннего продукта (ВВП)⁴⁰. Под влиянием санкционной политики Запада после 2014 г. данный тренд еще больше усилился. В результате к 2021 г., согласно социологическому опросу, либеральный стиль (минимальное вмешательство в экономику, бизнес и другие сферы жизни) поддержали лишь 26 % опрошенных, а директивный — 65 %⁴¹, что коррелировало с усилением государственного вмешательства во все сферы жизни. Все это говорит о том, что директивный стиль управления и в XXI столетии не стал анахронизмом ни на практике, ни в общественном сознании, *а в России является живым авторитаризмом.*

История европейских стран в Новое и Новейшее время дает примеры успешных преобразований именно при сильных авторитарных режимах, осуществлявших компетентное управление. Например, в XVIII — начале XX в. во Франции, Германии и Австро-Венгрии удачные экономические реформы были проведены королевской властью, а периоды демократии оказывались связанными с катастрофической инфляцией и деструктивными процессами в экономике (эпоха Великой французской революции; Германия после Первой мировой войны; Австрия, Венгрия и Польша после распада монархии Габсбургов). То же наблюдалось в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии в XX в.⁴²

Мировой опыт управления экономикой (к сожалению, пока обстоятельно не обобщен опыт использования разных стилей в государственном управлении) показывает, что все три стиля имеют достоинства и недостатки. Директивный стиль, когда власть концентрируется в одних руках, нередко обеспечивает равную или более высокую производительность в традиционных обществах, члены которых имеют низкие материальные и духовные потребности, удовлетворяются минимальным, не проявляют рвения в труде и при любой возможности уклоняются от работы. В своем патерналистском варианте (когда лидер выступает с позиции «Я — отец», концентрация власти в его руках сочетается с заботой о подчиненных и ощущением ответственности за условия их существования) этот стиль находит широкую поддержку у населения. В современных обществах он целесообразен в экстремальных и кризисных ситуациях.

Демократический, или коллегиальный, стиль позволяет подчиненным участвовать в подготовке управленческих решений и имеет целью повышение эффек-

⁴⁰ Овчарук К. В. Госсектор в российской экономике. Ключевые цифры и тенденции // Бюджет и межбюджетные отношения Регионы России. 03.06.2019. URL: <http://openbudget.karelia.ru/pode/1978> (дата обращения: 28.05.2022). — Эксперты по-разному оценивают долю госсектора ввиду отсутствия единого подхода к ее расчету. Федеральная антимонопольная служба дает наибольший процент. Однако подсчеты по другим методикам также свидетельствуют о росте госсектора.

⁴¹ Представлены результаты опроса ВЦИОМ по репрезентативной всероссийской выборке в январе — феврале 2021 г. 1600 респондентов, где статистическая погрешность данных не превышала 2,5 %. См.: Государство и общество: цели, приоритеты, императивы // ВЦИОМ. Новости. 12.02.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 28.05.2022).

⁴² Травин Д., Маргария О. Европейская модернизация: в 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2004. С. 91.

тивности за счет повышения удовлетворенности от деятельности. Именно поэтому данный стиль ориентирован на людей самостоятельных и инициативных, обладающих развитыми материальными и духовными потребностями и стремящихся их удовлетворить. Однако участие в управлении оказывает положительное влияние на удовлетворенность и эффективность работы лишь того меньшинства работников, которое само участвует в управлении. Большинство рядовых работников такого стимула не получают.

Либеральный стиль управления, дающий полную самостоятельность и возможность индивидуального творчества, может быть эффективным в коллективах, где работники имеют высокий уровень знаний, компетенций, обладают высокими потребностями, любят творчество и при этом способны к самоконтролю и самодисциплине. В то же время либеральный стиль чреват анархией, непредсказуемыми ситуациями и конфликтами, что порождает неуверенность, блокирует целеустремленность и отрицательно сказывается на эффективности труда. В настоящее время данный стиль используется почти исключительно в научных, проектных и творческих организациях с небольшой численностью персонала⁴³.

Таким образом, не следует демонизировать директивный стиль, который до сих пор везде, широко и эффективно используется в управлении государством, экономикой и обществом наряду с демократическим и либеральным. Эффективность различных стилей обуславливается обстоятельствами, культурным, религиозным, психологическим и ментальным профилем управляемых и (что важно) национальными традициями⁴⁴. В современной теории развивается идея о национальных вариантах основных стилей управления. Выделяется более 24 национальных стилей управления — китайский, японский, американский, европейский, шведский и т. д.⁴⁵ и формируется духовно ориентированный подход к управлению в условиях российских реалий⁴⁶. Идеального стиля управления, подходящего на все случаи жизни и для всех обществ, не существует. Эффективнее всего комбинировать три основные стратегии, делая доминирующей ту, которая более всего отвечает сложившейся ситуации и стоящей цели, хотя в *современном бизнесе руководители предпочитают авторитарный стиль*.

В политике также нет оптимального на все времена и для всех государств стиля управления. Самые демократические страны во время больших войн приостанавливают конституционные свободы и переходят к жесткому авторитарному управлению, наиболее эффективному в военные годы. По мнению П. Н. Милюкова, в 1914–1918 гг. «управление Англии и Франции мало-помалу превратилось в военную диктатуру». В России же после свержения монархии в феврале 1917 г. стали проводиться демократические реформы, установился самый демократический в мире режим, который через несколько месяцев привел страну к полному коллапсу и поражению в войне⁴⁷. Интересны соображения О. Бисмарка: «Абсолютизм был бы идеальной формой для европейских государственных образований, если

⁴³ Гулиев М. А., Епифанцев С. Н., Самыгин С. И. Социология и психология управления. Ростов н/Д, 2006. С. 334–342; Теория управления. М., 2015. С. 122–130, 214–220, 231–240.

⁴⁴ Теория управления. С. 231–240.

⁴⁵ Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию. М., 2001. С. 7–16, 412–423.

⁴⁶ Теория управления. С. 136–152, 283–336.

⁴⁷ Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 27.

бы король и его служащие не были бы людьми, как все прочие. Абсолютизм сам по себе не так уж и плох. Однако не всегда знаешь, в чьих руках находится управление; поэтому конституционная форма выглядит предпочтительней <...> С плохими законами и хорошими чиновниками вполне можно править страной. Но, если чиновники плохи, не помогут и самые лучшие законы»⁴⁸.

Сторонники циклической концепции являются убежденными западниками, поэтому склонны к *европоцентризму* и идеализации Запада. Сравнение России с Западом, в какой бы момент оно ни производилось, действительно обнаруживает различия, о которых говорят авторы. Однако все существующие в историографии образы России и Запада — это *умственные конструкции*, идеальные типы, являющиеся только отчасти эмпирическими обобщениями. Они не выведены индуктивно, путем анализа реальности, а сконструированы путем усиления, выделения, заострения черт, *кажущихся* исследователям наиболее важными и характерными. При этом существующее сходство между Россией и Западом игнорируется, все внимание — на различиях. В католической и протестантской Европе негативный образ России сложился еще во второй половине XVI в., при большом старании Польши и Англии. Английские дипломаты и эксперты, работавшие в России, сконструировали из России образ «варварской» страны, а из ее населения образ «варварского» народа, и эти представления поддерживались на протяжении последующих веков. «На примере истории Московии показывалось, что не надо делать европейцам, что такое неевропейское поведение. Сущность своего, христианского мира европейские авторы раскрывали через описание неевропейских, отрицательных качеств у своих соседей и антагонистов — прежде всего турок, а со второй половины XVI в. и московитов»⁴⁹. В конце XVIII — начале XIX в. философы Просвещения завершили работу по демонизации России. Они сконструировали из России образ отсталой, варварской части европейского континента с целью на контрасте с Россией представить Западную Европу как оплот и высшее выражение цивилизации. Это противопоставление либеральной Западной Европы и деспотической России в конечном счете стало инструментом политического и экономического господства Европы над Россией. Как выразился Ларри Вульф, открывший и объяснивший этот механизм, «если бы России не было, Западу ее следовало бы выдумать»⁵⁰.

Сконструированный из России «темный двойник» Запада со временем стал выполнять и другие важные функции: обоснование экспансии и новых крестовых походов, экспорт собственных символов политической и религиозной веры, отвлечение внимания от домашних проблем и перенаправление агрессии. Россия чаще всего демонизировалась не по причине ее реальных действий, а из-за собственных страхов, надежд и ожиданий, порождаемых внутренними проблемами. Для российских западников образ Запада как высшего проявления цивилизованности, как своего рода светлого двойника всегда был также нужен, во-первых, как идеал для

⁴⁸ Цит. по: *Баев В. Г.* Бисмарк о правовом положении короля Пруссии в конституционной монархии (Германия. Вторая половина XIX века) // Современное право. 2008. № 6. С. 112–116.

⁴⁹ *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 299–330. См. также: *Лабутина Т. Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2012. С. 261; Концепции и оценки развития России (XX — начало XXI в.) в зарубежных исследованиях. М., 2010. С. 184.

⁵⁰ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 516–541.

сравнения и подражания, во-вторых, для осуждения действительного или мнимого варварства России. Если бы не было Запада, то российским западникам его тоже следовало бы выдумать, чтобы на примере Британии, Франции или Германии учить русских аборигенов, что им надо делать, чтобы стать европейцами. В советской историографии образ России — бедной, отсталой, агрессивной и угнетающей свое население и население других стран — приобрел новые краски и вошел в учебники истории, а через них — в массовое сознание. Без поддержки изнутри негативный образ Российской империи не стал бы парадигмой. Этот механизм темного и светлого двойника повсеместно действует и в настоящее время.

Можно считать заслугой упомянутых выше авторов то, что им удалось увидеть преемственность в социально-политическом строе России на протяжении длительного времени, но невозможно согласиться с ними в том, что много веков Россия движется по кругу и с нулевым результатом. Политические, социальные, экономические и культурные перемены в XVII — начале XXI столетия в российском социуме носили не косметический, а сущностный характер. Страна индустриализировалась и урбанизировалась, росла производительность труда, повышался жизненный уровень, увеличивалась продолжительность жизни, большие успехи наблюдались в культуре, науке, образовании и т. п. Причем темпы позитивных изменений со временем нарастали. В имперской модернизации можно выделить два этапа: 1) XVIII — первая половина XIX в.; 2) вторая половина XIX в. — 1917 г. На первом, подготовительном этапе во главе угла находилось развитие промышленности, городов, просвещения, бюрократического аппарата, внутренней и внешней торговли и инфраструктуры. Успехи были скромными, но несомненными, и они создали предпосылки для ускорения модернизации во второй половине XIX — начале XX в. С 1861 по 1913 г. темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился в 3,8 раза. И это несмотря на огромный естественный прирост: население империи увеличивалось почти на 2 млн ежегодно. С 1880-х гг. темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3 до 5 с лишним процентов. Однако и сельское хозяйство прогрессировало среднеевропейскими темпами. Россия на рубеже XIX и XX вв. являлась одной из наиболее динамично развивавшихся держав мира.

Вот 9 важнейших признаков, доказывающих повышение уровня жизни в пореформенный период⁵¹:

1. Рост с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах — в 1,7 раза (за более раннее время сведений не имеется).
2. Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34%.
3. Уменьшение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-х гг. до 107 в 1902 г., у пролетариев — числа рабочих часов с 2952 в 1850-х гг. до 2570 в 1913 г.

⁵¹ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2012. С. 213, 216, 337, 372–373, 429, 457, 529–539, 547, 598–609, 629–630.

4. Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн десятин земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн руб., причем 46 % земли было куплено крестьянскими обществами и товариществами.
5. Увеличение вкладов в государственных сберегательных кассах — самом популярном виде кредитных учреждений в России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 по 1909–1913 гг. число вкладчиков на 1000 жителей выросло в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика с учетом инфляции увеличилась в 1,7 раза, на одного жителя страны — в 145 раз. Доля крестьян и рабочих среди клиентов банков увеличилась с 9 до 33 %, а во вкладах — с 11 до 33 %.
6. Повышение *реальной* заработной платы сельскохозяйственных рабочих с 1850-х по 1911–1913 гг. в 2,4 раза, промышленных рабочих с 1880-е по 1911–1914 гг. — в 1,2 раза.
7. Увеличение роста (длины тела) новобранцев за 1791–1915 гг. со 161,3 до 169,0 см и веса за 1811–1915 гг. — с 59,1 до 66,5 кг, что подтверждает действительное повышение уровня жизни крестьянства. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811–1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился — с 21,8 до 23,3.
8. Увеличение средней продолжительности жизни за 1857–1913 гг. с 27 до 34 лет.
9. Повышение средней грамотности населения в возрасте 10 лет и старше с 17 до 43 %.

Здесь уместно вспомнить монографию И. В. Поткиной, где дана оценка эффективности экономической политики царского правительства в годы войны. На большом материале (статистика, делопроизводственная документация, мемуарная литература), системно и комплексно обработанном, убедительно показано, что правительственные меры соответствовали вызовам времени и общеевропейским трендам, имели ярко выраженную социальную направленность и потому принесли положительный эффект. «Взявшись за регулирование, в общем и целом имперское правительство неплохо справлялось со своими обязанностями»⁵². Данный вывод коррелирует с результатами новейших исследований по этому вопросу. Российская экономика сумела перестроиться и мобилизоваться, благодаря чему по объективным показателям до свержения монархии не уступала другим воюющим странам, за исключением Великобритании. Среднегодовой ВВП на душу населения в постоянных ценах в 1914–1916 гг. по сравнению с 1913 г. понизился в Австрии на 21 %, в Германии — на 19 %, в Италии — на 6 %, во Франции и в США — на 5 %, в России — на 6 % и только в Великобритании повысился на 5 %⁵³. Удовлетвори-

⁵² Поткина И. В. В преддверии катастрофы. Государство и экономика России в 1914–1917 годах. СПб., 2022. С. 358–362.

⁵³ Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. С. 32, 43; Миронов Б. Н.: 1) Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 3. С. 463–480; 2) Погрузившая в смуту и украсившая победу революция // Там же. Т. 62, вып. 4. С. 693–716.

тельная адаптация народного хозяйства к условиям военного времени, несомненно, являлась результатом успешного развития России в довоенный период.

Успехи, достигнутые при советской власти, столь очевидны, что их вынуждены, хотя и с оговорками, признать сторонники циклической концепции. Например, по мнению А. Ю. Дворниченко: «Сталинщина, при всех своих огромных недостатках, в конце концов оказалась не чем иным, как своего рода “модернизацией”, пусть грубой и зверской, но приблизившей Россию к развитым странам мира»⁵⁴. Действительно, как ни парадоксально, «зверская модернизация» радикально повысила уровень благосостояния и культуры населения (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели развития РСФСР в 1917–1985 гг.

Показатели	1917	1928	1940	1950	1960	1970	1980	1985
Население, млн чел.	91,0	103,2	110,1	102,1	119,0	130,1	138,1	142,5
Валовой внутренний продукт на душу населения, 1917 г. = 1	1,0	–	6,4	11,6	25,2	44,8	69,8	81,1
Валовая продукция сельского хозяйства на душу населения, 1917 г. = 1	1,0	1,2	1,3	1,5	1,7	2,4	2,5	2,6
Валовая продукция промышленности на душу населения, 1917 = 1	1,0	1,8	10,3	19,4	47,2	93,0	152,2	174,3
Производство предметов потребления на душу населения, 1917 г. = 1	1,0	1,5	4,6	6,6	12,4	29,2	44,6	51,3
Жилая площадь на человека в городах, кв. м	8,1	5,7	4,2	3,1	10,1	11,2	13,3	14,6
Грамотность, %	43,0	67,3	91,6	95,0	99,1	99,6	99,6	99,6
Средняя продолжительность обучения, лет	1,1	1,5	3,4	5,4	6,1	7,0	7,9	8,8
Средняя продолжительность жизни, лет	29,1	44,3	49,9	53,4	66,8	67,9	67,5	67,7
Реальные доходы рабочих и служащих на работающего, 1940 г. = 1	–	–	1,0	2,2	2,9	4,0	4,5	–
Реальные доходы колхозников на работающего, 1940 г. = 1	–	–	1,0	2,4	4,7	6,9	8,1	–
Реальные доходы населения на душу населения, 1940 г. = 1	–	–	1,0	2,5	4,0	5,8	6,5	7,8
Реальные доходы* рабочих и служащих на работающего, 1917 г. = 1	1,0	0,4	1,2	3,1	4,0	6,1	8,7	10,0

* С добавлением выплат и льгот из общественного фонда потребления.

И с т о ч н и к: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 8–12, 255, 279–287, 295–296, 312–313.

Как известно, точность советской статистики ставится под сомнение⁵⁵. Однако компетентная проверка коснулась макроэкономической статистики, динамики ВВП и основных фондов СССР. Информация о доходах и потреблении не под-

⁵⁴ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. С. 246. — Правда, в других местах достижения СССР минимизируются. Так, говоря о холодной войне, автор пишет, что ее «Советский Союз ввиду своей отсталости (“Верхняя Вольта с ядерными ракетами”) фактически проиграл» (Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории. С. 684).

⁵⁵ Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991.

вергалась серьезной проверке и поэтому не вызывает доверия. Сравнение данных о потреблении из официальной статистики за 1913–1960 гг. и секретного доклада, подготовленного в 1955 г. Центральным статистическим управлением СССР, Институтом экономики АН СССР и Институтом питания АМН СССР для председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина, обнаружило *их полное совпадение как по продовольственным, так и по промышленным товарам (ткани и обувь)*. Кроме того, в докладе на основе приведенных цифр отмечено, что по сравнению с дореволюционной Россией питание населения значительно улучшилось, но по-прежнему отстает от питания в главных капиталистических странах и находится ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлеба и картофеля. Относительно потребления промышленных товаров наблюдалось то же самое⁵⁶. За 1917–1985 гг. на душу населения ВВП в РСФСР вырос в 81 раз, производство предметов потребления — в 51 раз, потребление основных продуктов питания, за исключением хлеба и картофеля, — в 2–5 раз, реальные доходы населения — в 8 раз⁵⁷. Регулярные обследования домашних хозяйств показывают, что за этими абстрактными цифрами действительно стояло существенное улучшение потребления (табл. 3).

Таблица 3. Потребление продуктов питания в России и СССР в 1913–1987 гг. на душу населения

Продукты	1913	1929	1934–1938	1947–1948	1960	1970	1980	1987
Мясо и мясопродукты (с костями), кг	24	31	19	26	35	42	50	56
Молочные продукты, кг	154	184	151	172	240	307	314	341
Яйца, шт.	48	39	63	60	118	159	239	272
Рыбодукты с субпродуктами (с костями), кг	11	6	7	7	10	15	18	18
Сахар, кг	8	7	9	14	28	39	44	47
Масло растительное, кг	2	–	–	–	5	7	9	10
Масло животное и жиры, кг	3	3	2	3	–	5	–	7
Картофель, кг	114	177	358	241	143	130	109	105
Овощи и бахчевые, кг	48	54	–	51	70	82	97	100
Фрукты и ягоды, кг	11	6	–	–	22	35	38	44
Хлебные продукты, кг	262	222	–	172	164	149	138	132
Алкоголь, в пересчете на спирт, л	3,1	2,2	4,3	1,5	3,5	6,7	10,8	4,4

Источники: Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 3. С. 768–770; Народное хозяйство СССР за 60 лет: юбилейный статистический ежегодник. М., 1977. С. 511; Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 470; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. М., 1991. С. 140; Народное хозяйство СССР в [1958–1990] году: статистический ежегодник. М., 1959–1991; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 312–313.

⁵⁶ Доклад ЦСУ СССР, Института экономики Академии наук СССР и Института питания Академии медицинских наук СССР Н. А. Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения // Советская жизнь. 1945–1953 гг.: сб. документов / сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. URL: <https://istmat.info/node/18419> (дата обращения: 26.04.2021).

⁵⁷ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: статистический ежегодник. М., 1987. С. 312–313.

Российская Федерация и Советский Союз в целом развивались быстрее, чем западные соседи. Ориентировочное сравнение уровня экономического развития СССР, с одной стороны, и США, Великобритании, Германии и Франции, с другой стороны, по 11 важнейшим показателям на 1913 и 1989 гг. показывает: разрыв сократился ориентировочно со 100 лет до 42 лет. Советский Союз приблизился к западноевропейским странам в материально-организационном отношении и с точки зрения человеческого и культурного капитала⁵⁸.

Положение постсоветской России представляется современным исследователям безрадостным, особенно А. Ю. Дворниченко и И. И. Глебовой. Так, по мнению А. Ю. Дворниченко, сегодня Россия выгодно отличается от советского периода только одним — свободой слова: «Если сравнивать уровень свободы слова, то такого на Руси прежде еще не было»⁵⁹. Сосредоточившись на критике, циклисты не замечают, что постсоветская Россия за 30 лет значительно продвинулась вперед во многих отношениях. Мы составили график реальной (в постоянных ценах) динамики шести главных показателей благосостояния населения Российской Федерации за 1985–2021 гг. в виде базисных индексов, рассчитанных как отношение каждого последующего уровня к базисному уровню 1990 г. Базисный индекс оценивает, во сколько раз показатель в данном году изменился сравнительно с уровнем 1990 г. (см. рис.).

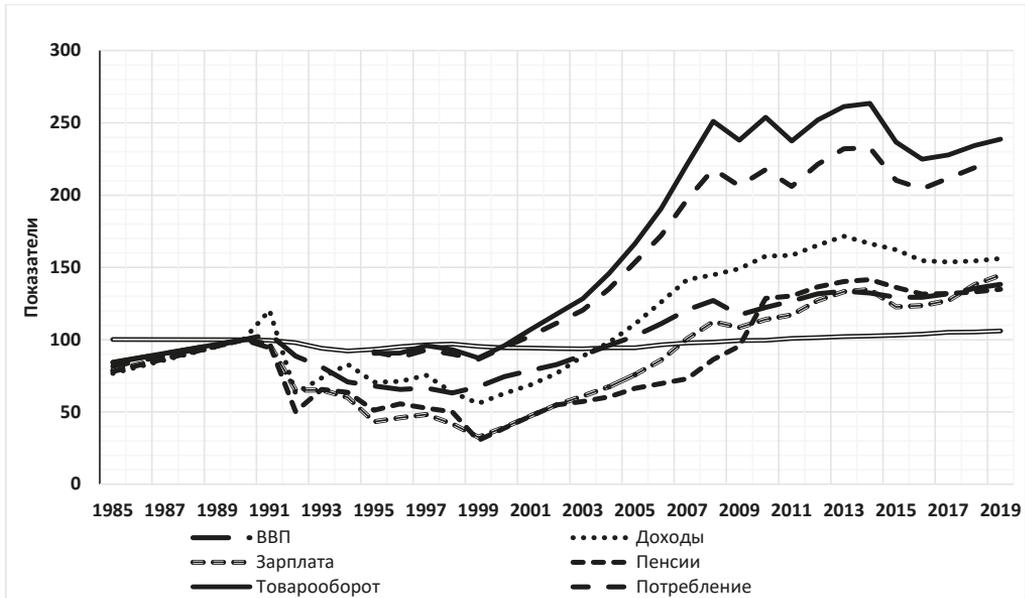
Как видно из графика, в 1991–1999 гг. Россия испытала глубокий социально-экономический кризис: ВВП на душу населения рухнул на треть, денежные доходы населения уменьшились почти в 2 раза, зарплата и пенсии — в 3 раза; на 13–14% упал розничный товарооборот и потребление домашних хозяйств (здесь и далее все оценки с поправкой на инфляцию). На 3 года снизилась средняя продолжительность жизни, появилось серьезное социально-экономическое расслоение. Однако уже через 9 лет, в 2000-х гг., наступило экономическое оживление, благодаря которому в 2020 г. начальный уровень 1990 г. по ВВП был превышен на 35%, по доходам — на 54%, по зарплате — на 50%, по пенсиям — на 38%. Интересно отметить, что, согласно официальным данным, розничная продажа и потребление товаров и услуг на душу населения выросли намного больше, чем экономика, доходы, зарплата и пенсии, т. е. *люди истратили больше, чем заработали*. Это свидетельствует о получении населением значительных теневых доходов, не учитываемых официальной статистикой, что подтверждается данными Федеральной службы по финансовому мониторингу, согласно которым теневой сектор в 2021 г. составлял примерно 18,4 трлн руб. — 16,9% от ВВП⁶⁰. Отсюда следует: официальная статистика недооценивает доходы населения и, значит, несколько преувеличивает уровень бедности.

Обстоятельные сведения по всем вопросам развития современной России, публикуемые Росстатом, показывают, что во многих отношениях жизнь российских граждан в последние 20 лет изменилась к лучшему. В 2020 г. (сравнительно с 1990 г.) средняя продолжительность жизни увеличилась на 2,3 года (с 69,2 до 71,5), жилая площадь на человека — в 1,6 раза (с 16 до 27 м²), доля владельцев легковых авто-

⁵⁸ Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 3. С. 749–806.

⁵⁹ Дворниченко А. Ю. Прощание с революцией. С. 247.

⁶⁰ Теневой сектор экономики // Вестник Информационного агентства Credinform. 02.09.2021. URL: <https://credinform.ru/ru-RU> (дата обращения: 25.04.2022).

Динамика основных показателей благосостояния населения Российской Федерации в 1985–2020 гг. (1990 г. = 100), %: ВВП — валовый внутренний продукт на душу населения в постоянных ценах; доходы — денежные доходы населения на душу населения; зарплата — среднемесячная заработная плата работника с учетом инфляции; пенсии — средний размер пенсий с учетом инфляции; товарооборот — объем розничного товарооборота на душу населения в постоянных ценах; потребление — конечное потребление домашних хозяйств на душу населения (все расходы домашнего хозяйства на покупку товаров и услуг); продолжительность жизни — средняя продолжительность предстоящей жизни, лет.

Источники: Народное хозяйство в СССР в 1990 г. С. 232–233, 236–238; Российская Федерация в 1992 году: статистический ежегодник. М., 1993. С. 157–159, 244; Российский статистический ежегодник [1995–2021 гг.]: статистический сб. М., 1995–2021.

мобилей — в 7 раз (с 4,5 до 30,8 %), суточная калорийность питания человека — на 86 ккал (в 2000–2020 гг. питание находилось в норме), банковские вклады на душу населения — почти в 18 раз (за 1998–2020 гг.). Не хлебом единым жив постсоветский россиянин. В ответ на его возросшие потребности число профессиональных театров увеличилось в 1,8 раза (с 382 до 669), число музеев — в 2,2 раза (с 1315 до 2917), число наименований книг — в 2,4 раза (с 41 тыс. до 100 тыс.), журналов — в 1,9 раза (3681 до 6851), газет — в 1,6 раза (с 4808 до 7867), спортивных сооружений — в 2,7 раза (с 2370 до 4088), а численность занимавшихся в спортивных секциях и группах — в 4,2 раза (с 15 млн до 62 млн), поднялось в 4,2 раза (с 8,5 млн до 45,3 млн) число поездок за границу⁶¹. Важно отметить, что и в годы глубокого кризиса люди не были поглощены исключительно экзистенциальными проблемами и добычей хлеба насущного, как обычно бывает в годы больших войн, смут и революций. Они ходили в театры и музеи, занимались спортом и туризмом, читали беллетристику и прессу. Эти достижения нельзя назвать чудом, на которое

⁶¹ Народное хозяйство в СССР в 1990 г. С. 232–233, 236–238; Российская Федерация в 1992 году. М., 1993. С. 157–159, 244; Российский статистический ежегодник [1995–2021 гг.]. М., 1995–2021.

надеялись низы и верхи в связи с отстранением коммунистов от власти и переходом страны к рыночной экономике. Однако успехи значительны: среди 15 бывших союзных республик Российская Федерация несколько уступила только прибалтийским, обязанным своему прогрессу главным образом зарубежной помощи.

Можно сказать, что не оправдался и прогноз В. В. Ильина от 1995 г., согласно которому «впереди нас ожидает еще более безотрадное будущее»: катастрофическое положение в сельском хозяйстве; сокращение производственного, научного и кадрового потенциала; утрата качественного машиностроения, необходимого для модернизации экономики; усиление давления внешней задолженности на внутрихозяйственные процессы⁶².

Проведенный анализ реперных исследований, посвященных циклическо-матричному, или инверсионному, ходу российской истории, позволяет сделать следующие выводы.

Рассмотренные концепции имеют ряд существенных недостатков, затрудняющих адекватное понимание российского исторического процесса, важнейший из них — антиисторизм. Одни представители циклизма недооценивают, другие просто игнорируют историческую динамику, вступая в глобальное противоречие с принципом историзма. В результате сосредоточения на поисках преемственности в политических отношениях в разные периоды оказались незамеченными огромные изменения, произошедшие в социуме. Россия двигалась не по замкнутому кругу с нулевым результатом, а по спирали с большими достижениями. Развивались все институты и институции: социальная структура населения — от этакратической к классовой; семья — от авторитарно-составной к нуклеарно-демократической; государство — от народной монархии к демократической республике⁶³. Модернизация затронула все сферы жизни⁶⁴. Выдающиеся успехи достигнуты в сфере образования⁶⁵.

Циклические концепции *европоцентричны* — они идеализируют Запад, рассматривая его как высшее проявление цивилизованности, идеал для сравнения, подражания, а также как средство осуждения и демонизации России. Всякое отклонение от этого идеала считается заблуждением, всякая реформа, не ведущая к вестернизации, — ошибкой. По этой причине даже очевидные успехи, достигнутые незападными средствами, минимизируются. Характерный пример — с авторитарным стилем управления, который считается абсолютным злом, главной причиной отсталости и инверсионного алгоритма развития России, несмотря на то что во многих случаях он является эффективным и широко используется во всем мире.

Сторонники циклизма поддерживают негативное отношение к властям всех уровней, распространенное в российской историографии. Так, у В. В. Ильина Николай I и Александр III — «темнейшие, узколобейшие фигуры на троне»; Николай II — «твердолобый»; И. В. Сталин — «персональная серость», малообразованный деспот с комплексом неполноценности; Л. И. Брежнев — «скудоумный» и «политически бездарный»; М. С. Горбачев — «политически дряблый и недееспособный». Соответ-

⁶² Ильин В. В. Панорама отечественных реформ. С. 167–173.

⁶³ Миронов Б. Н. Российская империя. Т. 1. С. 458–464, 752–761; Т. 2. 607–627.

⁶⁴ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб., 2019. С. 13–64.

⁶⁵ Миронов Б. Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62–95.

ствующим образом изображается и государственное управление: «Россию трепала удельщина, своеволие, нерасчетливость, самочинность»; «этакратический репрессивный монархизм вкупе с экстенсивной патриархальностью — сквозной признак российской действительности»; «реформы в России обслуживают государево, а не народное дело»⁶⁶. В глазах читателя эти яркие характеристики служат аргументами в пользу авторской концепции: ну как такие правители могли эффективно руководить государством?

Построения сторонников циклизма имеют принципиальный дефект — недостаточную эмпирическую обоснованность выводов. Их объяснения во многих случаях носят умозрительный характер. Основными методологическими инструментами служат сравнение, аналогия, дедукция, удачные примеры. Историки подобный инструментарий, как правило, считают ненадежным, открывающим беспредельные возможности для выдвигания множества слабо аргументированных концепций.

Вместе с тем следует отметить, что концепции объективно отражают некоторые характерные черты российской истории: наличие циклов разной длительности в развитии (политическом, социальном и экономическом); пульсирующий характер реформирования; доминирование авторитарного стиля управления во всех сферах жизни, и особенно в политической; низкая общая культура населения; большая роль архаики (традиционных институтов, народной политической культуры и специфических когнитивных практик); сильная историческая инерция, или зависимость от прошлого пути (*path dependency*), обусловленная наличием так называемых цивилизационных стереотипов. В итоге, однако, недостатки, свойственные российскому социуму, циклическо-маятниковые концепции гиперболизируют, а успехи и достижения минимизируют. Нарушение баланса создает перекоп, вследствие чего представление о российском историческом процессе становится неадекватным.

References

- Akhiezer A. S. *Rossia: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaiia dinamika Rossii)*, vol. 1. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997, 804 p. (In Russian)
- Baev V. G. Bismark o pravovom polozhenii korolia Prussii v konstitutsionnoi monarkhii (Germaniia. Vtoraiia polovina XIX veka). *Sovremennoe pravo*, 2008, no. 6, pp. 112–116. (In Russian)
- Bullard A. *The Russian Pendulum: Autocracy, Democracy, Bolshevism*. New York, Macmillan, 1919, 272 p. (In Russian)
- Carr E. N. *Socialism in One Country, 1924–1926*, vol. 1. New York, The Macmillan Company, 1958, 558 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Iu. *Proshchanie s revoliutsiei*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 271 p.
- Dvornichenko A. Iu. Smuta kak faktor rossiiskoi istorii. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 677–701. (In Russian)
- Filatov V. P. Osobennosti liberalizatsii i modernizatsii Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. v kontekste evropeiskogo razvitiia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, 2006, vol. 7, no. 2, pp. 57–76. (In Russian)
- Filiushkin A. I. *Izobretaiia pervuiu voinu Rossii i Evropu: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremnikov i potomkov*. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2013, 845 p. (In Russian)

⁶⁶ Ильин В. В. Панорама отечественных реформ. С. 33, 34, 48, 53, 59, 117, 134, 136, 144, 149, 155.

- Fogel' R., Engerman S. Khoziaistvennaia effektivnost' rabstva: sravnenie severnogo i iuzhnogo sel'skogo khoziaistva v SShA v 1860 g. *Istoriko-ekonomicheskoe issledovaniia*, 2004, no. 1-2, pp. 100–106. (In Russian)
- Glebova I. I. *Rannii postsovetizm v politiko-istoricheskom kontekste*. Moscow, INION RAN Press, 2006, 259 p. (In Russian)
- Guliev M. A., Epifanstev S. N., Samygin S. I. *Sotsiologiia i psikhologiia upravleniia*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2006, 408 p. (In Russian)
- Il'in V. I. Struktura istoricheskoi kolei Rossii: problemy metodologii. *Mir Rossii*, vol. 26, no. 4, pp. 30–50. (In Russian)
- Il'in V. V. Panorama otechestvennykh reform. *Il'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. Reformy i kontrreformy v Rossii: Tsikly modernizatsionnogo protsesssa*. Moscow, Moscow University Press, 1996, pp. 13–172. (In Russian)
- Il'in V. V. Skvoznye linii. *Il'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. Reformy i kontrreformy v Rossii: Tsikly modernizatsionnogo protsesssa*. Moscow, Moscow University Press, 1996, pp. 173–204. (In Russian)
- Khanin G. I. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiia SSSR*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 268 p. (In Russian)
- Liuus P. D. *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: Ot stolkoveniia k vzaimoponimaniu*. Moscow, Delo Publ., 2001, 448 p. (In Russian)
- Labutina T. L. *Anglichane v dopetrovskoi Rossii*. St Petersburg, Aletheia Publ., 2011, 268 p. (In Russian)
- Leonard K. Zaniatiia pomeshchich'ikh krest'ian na severe Tsentral'no-promyshlennogo raiona Rossii nakunne reformy (na primere Iaroslavskoi gubernii). *Agrarnaia evoliutsiia Rossii i SShA v XIX — nachale XX veka: materialy sovetsko-amerikanskikh simpoziumov*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 233–249. (In Russian)
- Litvak B. G. *Russkaia derevnia v reforme 1861 goda: Chernozemnyi tsentr 1861–1895 gg.* Moscow, Nauka Publ., 1972, 423 p. (In Russian)
- Marchenia P. P. K voprosu o sootnoshenii kontseptov smuty i revoliutsii v sovremennom otechestvennom sotsiugumanitarnom znanii. *Filosofskie issledovaniia i sovremennost'*, issue 10. Moscow, IPL Press, 2021, pp. 87–94. (In Russian)
- Markevich A., Kharrison M. *Pervaia mirovaia voina, Grazhdanskaia voina i vosstanovlenie: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg.* Moscow, Mysl' Publ., 2013, 109 p. (In Russian)
- Matveeva S. Ia. Raskolotoe obshchestvo: put' i sud'ba Rossii v sotsiokul'turnoi teorii Aleksandra Akhieзера. *Akhiezer A. S. Rossiia: kritika istoricheskogo opyta*, vol. 1. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1997, pp. 3–41. (In Russian)
- Miliukov P. N. *Istoriia vtoroi russkoi revoliutsii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 765 p.
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Dostizheniia i provaly rossiiskoi ekonomiki v gody Pervoi mirovoi voiny. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 463–480. (In Russian)
- Mironov B. N. Kul'turnyi kapital Rossii za tysiachu let. *Ekonomicheskaiia politika*, 2013, no. 1, pp. 62–95. (In Russian)
- Mironov B. N. Pogruzivshaia v smutu i ukraivshaia pobedu revoliutsiia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 693–716. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: Ot traditsii k modernu*, vol. 1. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 892 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: Ot traditsii k modernu*, vol. 2. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 907 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: Ot traditsii k modernu*, vol. 3. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 989 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia modernizatsiia i revoliutsiia*. St Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2019, 528 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Russkaia revoliutsiia 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii. Pt 1. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)
- Mironov B. N. Russkaia revoliutsiia 1917 goda v kontekste teorii revoliutsii. Pt 2. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 3, pp. 106–115. (In Russian)

- Naumova N. F. *Retsidiviruiushchaia modernizatsiia v Rossii: Beda, vina ili resurs chelovechestva?* Moscow, Editorial URSS Publ., 1999, 174 p. (In Russian)
- Panarin A. T. *Politologiiia*. Moscow, Prospekt Publ., 1998, 407 p. (In Russian)
- Pantin V. I., Lapkin V. V. *Filosofiiia istoricheskogo prognozirovaniia: Ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiia v pervoi polovine XX veka*. Dubna, Feniks Publ., 2006, 448 p. (In Russian)
- Potkina I. V. *V preddverii katastrofy. Gosudarstvo i ekonomika Rossii v 1914–1917 godakh*. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022, 379 p. (In Russian)
- Rozov N. S. Tsiklichnost' rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezn': vozmozhno li vyzdorovlenie? *Polis*, 2006, no. 2, pp. 74–89. (In Russian)
- Shlezinger A. M. *Tsikly amerikanskoi istorii*. Moscow, Progress-Akademiia Publ., 1992, 687 p. (In Russian)
- Sogrin V. V., Zvereva G. I., Repina L. P. *Sovremennaia istoriografiia Velikobritanii*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 225 p. (In Russian)
- Travin D., Margariia O. *Evropeiskaia modernizatsiia*, vol. 1. Moscow, AST Publ.; St Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2004, 665 p. (In Russian)
- Vulf L. *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Рекомендована к печати 31 октября 2022 г.

Received: June 20, 2022

Accepted: October 31, 2022